

Ж. Нива

«КЕРЖЕНСКИЙ ДУХ» В ИНСТИТУТЕ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА

Резюме

Эта работа представляет собой доклад, который должен был прозвучать на научно-культурном форуме «Аввакумовские чтения» (28–30 сентября 2020 г., ИРЛИ РАН). Он посвящен выдающемуся французскому слависту Пьеру Паскалю. Основная задача автора доклада — показать тот путь, которым П. Паскаль пришел к осознанию необходимости заняться Житием протопопы Аввакума и ранней историей раскола, и продемонстрировать своеобразие исследовательского подхода ученого. В докладе затронута также проблема поисков художественного языка при переводе Жития Аввакума на французский.

Ключевые слова: Пьер Паскаль, история науки, Житие протопопы Аввакума, старообрядчество

Georges Nivat

THE “SPIRIT OF KERZHENETS” AT THE MARX–ENGELS INSTITUTE

Abstract

This work was meant to be presented as a paper at the scholarly and cultural forum “Avvakumovskie Chteniia” at the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (September 28–30, 2020). The study is dedicated to the outstanding French Slavic scholar Pierre Pascal. The main objective of the article is to show how P. Pascal realized the need to study the Live of Archpriest Awvakum and the early history of the Old Believer

© Ж. Нива, 2020

Schism. The article also demonstrates the peculiarity of Pascal's research approach and examines the problem of finding the correct artistic language for the French translation of the Life of Avvakum.

Keywords: Pierre Pascal, history of scholarship, Life of Archpriest Avvakum, Old Belief

DOI 10.31860/2712-7591-2020-4-85-92

Редко бывает в истории такое сочетание обстоятельств, когда давнее прошлое и жгучее настоящее переплетаются в одной личности, и пламя восстаний перекидывается через столетия. Русская революция искала свои корни. Эти корни она совершенно естественно обрела во Французской революции. А Французская революция сама искала свои корни и обнаружила их в античных восстаниях. Цепь шла от Спартака, вождя восстания рабов в древнеримской республике в 73 г. до н. э., до Марата и Робеспьера, а от них — до Милокова и Керенского.

Но эта «родословная» революции не удовлетворяла многих, когда власть перешла к Ленину и Троцкому. Воспитанные идеями Маркса и Энгельса, они могли принять наследство далекого гладиатора Спартака, но не французской буржуазии. Среди них была малая группа французских коммунистов — очень разных по социальному и идеологическому происхождению, некоторые были простыми рабочими, другие — выходцами из интеллигентной буржуазии, некоторые — социалистами, некоторые — пацифистами, а один из них совсем не соответствовал общим критериям.

Пьер Паскаль был блестящим выпускником Эколь Нормаль Сюперьёр, первым в конкурсе при поступлении и при выпуске с рю д'Ульм. В 1904 г. он начал изучать русский язык, преподаваемый в его лицее как результат заключения Франко-русского союза. Паскаль был верующим католиком и глубоко верил в скорый возврат унии латинской и греческой Церквей. Существовала в Париже крохотная группа «неославянофилов» благодаря дружбе между аббатом Грасьё и сыном Хомякова. Паскаль принадлежал к ней. Он участвовал в войне, был ранен на Востоке, при Дарданеллах, — и вдруг судьба его резко изменила курс. Его выбирают для будущей постоянной военной миссии в России, и на Пасху 1916 г. он отправляется в Петроград через Шотландию и Архангельск. 11 мая он на поезде прибывает в столицу.

Из поэтов он особенно любил Есенина и Блока. Поэма Александра Блока «Двенадцать» его потрясла. «Впереди Иисус Христос» соответствовало новым его большевистским убеждениям. То есть он не был марксистом, но верил, что в России рождается подлинное христианство, христианство пер-

вых апостолов, описанное в «Деяниях Апостолов», как он мне часто объяснял и детально рассказал в одной длинной радиопередаче, которую мы записали у меня в Сен-Жермене-эн-Лэ в 1967 г. Он сначала слушал «шум» Февральской революции, потом был отправлен на застывший фронт как пропагандист Французской военной миссии, чтобы армия перестала брататься с врагом. Но не он убедил русских солдат и моряков, а пропагандисты этих братаний его убедили. То есть он стал изменником для французской армии (судебное дело против него прекращено лишь в 1933 г.). Паскаль скоро стал большевиком, но большевиком, как их видели Пильняк в «Голом годе», Есенин и Клюев в своих поэмах.

Есть в Ленине керженский дух,
Игуменский окрик в декретах,
Как будто истоки разрух
Он ищет в «Поморских ответах».
(Николай Клюев)

Паскаль еще до смерти Ленина внутренне порвал с режимом (что не мешало в это время готовить к изданию французскую антологию текстов Ленина). Однако он любил и будет всю жизнь любить Россию горячей и мистической любовью. НЭП для него означал конец «протоапостольского» коммунизма. После смерти Ленина, и особенно после ареста его друга Николая Лазаревича, он пережил острый кризис. Своему другу Борису Суварину (его фамилия Лифшиц, псевдоним взят из романа Золя «Жерминаль») Паскаль послал «завещание Ленина», переписанное мельчайшим почерком на почтовой открытке под маркой. В 1924 г. «христианский анархист» Пьер Паскаль был исключен из аппарата Коминтерна, где он работал, перестал являться на партсобрания, а стал тихим сотрудником Института Маркса и Энгельса, где ему поручили разбирать архив Гракха Бабёфа, купленный в Париже Луначарским.

И вдруг 30 ноября 1928 г., поработав часа три-четыре над архивом Бабёфа в Музее Кропоткина, он, как всегда, спустился в подвал института, где были свалены сотни арестованных книг. Среди кип книг он открыл брошюру с упоминанием Жития протопopa Аввакума. Русофил Паскаль почувствовал, что напал на неизвестный ему (и всей французской славистике) шедевр. Он покупает только что появившийся 39-й том «Русской исторической библиотеки» — это первый выпуск новой серии «Памятники истории старобрядчества»¹. Он содержит Житие протопopa Аввакума. Этот день изме-

¹ Том был уже готов в 1916 г., а вышел через 13 лет.

нил курс жизни Паскаля. Он читает Житие взахлеб, он в восторге: вместо марксистского жаргона — живой и колоритный язык допетровской России, вместо диалектического материализма — отважная душа, до смерти не покоренная, «чей дом — вера в Сверхъестественное».

Сразу же возникает проект переводить Житие на французский язык. Но надо расшифровать массу имен, географических и литургических деталей. Паскаль читает издание Барского, брошюру Мякотина, диссертацию Бороздина, «Историю раскола» П. С. Смирнова. Мало-помалу он знакомится со всей литературой вопроса. В 1989 г. я написал письмо директору Центрального государственного архива древних актов с просьбой, если это возможно, сообщить мне, остались ли следы занятий Паскаля в ЦГАДА СССР. Я не очень ждал ответа, но в мае того же года получил следующий ответ: *«Многоуважаемый профессор Нива. В ответ на Вашу просьбу сообщаем, что в архиве имеется дело о занятиях в читальном зале Паскаля Петра Карловича. Судя по листам выдачи дел, П. К. Паскаль посещал архив в апреле 1930 — апреле 1931 г. Им просматривались, главным образом, материалы Сибирского и Разрядного приказов, а также писцовые и переписные книги Поволжья XVII в. В деле имеется анкета, заполненная П. К. Паскалем 29 октября 1930 г. В ней указаны место службы исследователя (научный сотрудник Института Маркса и Энгельса), тема занятий (Экономико-социальное положение Верхнего Поволжья в XVII в.), место жительства (г. Москва, Леонтьевский переулок, дом 16, квартира 25). Других существенных сведений в деле не содержится. Михаил Петрович Лукичев, директор ЦГАДА СССР».*

Пьера Паскаля уже не было — он умер 1 июля 1983 г. Иначе я бы, конечно, побежал в Нёйи, где он жил на улице Женерал-Кордонье, в загруженной кипами книг квартире, — я там бывал сотни раз. Он бы улыбнулся и сказал: «Но зачем? Кому это нужно?» Так он отреагировал, когда я купил на набережной Сены у букиниста его «Антологию Ленина» на французском языке...

Первый раз Пьер Паскаль побывал в Заволжье летом 1926 г. — в деревне Блохино у бывшего сельского учителя, тестя товарища по московской французской большевистской группе. Там он был в староверских местах, описанных Мельниковым-Печерским в романе «В лесах». Кто прочитает его «Дневник» за 1926–1929 гг., его текст о Блохине в «Крестьянской культуре в России» (Лозанна, 1969), поймет, насколько там, в Блохине, Паскаль был счастлив. Он снимал избенку, ходил пешком по 35 километров в день,

внимательно слушал язык, диалектизмы, записывал лексику как бытовую (обозначающую утварь, продукты всех сортов), так и общественную (там еще существовал *мир*, но в Блохине его называли *обществом*). Он в живом виде знакомился со старой верой, жил в соседстве с родиной Аввакума: это село Велдеманово, где он родился, село Лопатичи, где он служил попом, Макарьев, где он учился вместе в будущем Иларионом Рязанским.

Так что можно сказать, что все нити жизни Пьера Паскаля скрещивались в Блохине. И провал Революции — каждую осень он боялся вернуться в Москву и узнать, кого арестовали, кого расстреляли. И высокий образ протоппа — здесь он родился, рос, запасался тем подвижническим бесстрашием, что будет вести его до самой гибели. И та крестьянская Россия, которую он так любил (и обожал Есенина), которая еще жила в 1929 г. (!) в Блохине по принципам *мира*, то есть братской взаимопомощи, как и первые христиане.

Дальше — хуже. Дело Русакова, арест его тестя. Страх и глубокое разочарование. Революция пожирает своих детей, как Сатурн в картине Гойи. В марте 1933-го ему разрешено вернуться во Францию. На вокзале его провожает всего один русский приятель — остальные все боятся. Это Борис Пильняк, автор «Голого года», как и он, страстно влюбленный в старую Русь Жития, как и он, горько оплакивающий ее гибель². Возврат сложный — он остался в России против приказа генерала Лаверня, но военный суд прекратил его дело.

Помогает выжить книга «Протопоп Аввакум и начало раскола», помогает и перевод Жития. Перевод будет опубликован в 1960 г. издательством «Галлимар». Свой труд Паскаль посвящает отцу. Их отношения были сложными, но никогда не прерывались. С отцом Пьер виделся один раз за 17 лет — это было в Рапалло, когда он сопровождал Чичерина на переговоры с бывшими союзниками. Этот жест как бы запечатлевает примирение отца с сыном — возвращение блудного сына.

Я не собираюсь резюмировать ни докторскую работу Паскаля, ни предисловие к переводу. Оба текста написаны живым и колоритным языком, хотя они насыщены до сих пор не устаревшими сведениями. Подчеркну лишь следующее: Паскаль обращает внимание на «модель» Аввакума. Это не русские жития святых, они следуют довольно мертвым канонам, и он не святой — он борец. Модель его — это Дорофей, палестинский авва VI века, знаменитый своими «Поучениями». Паскаль их давно знает и пишет о них:

² Арестован в 1937-м, расстрелян в 1938 г.

«Они доставляли духовную радость нашим предкам, их переводили с греческого на латынь четыре раза с 1597 по 1646 г., на французский — пять раз с 1597 по 1686-й, последний раз это был труд аббата де Рансе, основателя ордена цистерцианцев строгого соблюдения (траппистов). На старославянский — в Киеве в 1626-м и в Москве трижды в 1652 г.». Паскаль радуется этому *общему* живому и свежему источнику набожности в латинской и русской традициях. Об этом он и мечтал с юных лет. Первоапостольские начала коммунизма были для него очевидны. И он с восторгом доказывает, что Аввакум — настоящий современник любимого им аббата де Рансе, что оба утоляют свою жажду у одного и того же источника — аввы Дорофея. «Бог не заботится о красноречии, он хочет милосердия». Апостол Павел объединяет Дорофея, де Рансе и Аввакума.

Паскаль любит и прекрасно анализирует стиль Аввакума. Церковнославянский — для библейских цитат, для краткого описания детства, но скоро эта «маска» разрывается, и врывается живой, красочный русский язык, грубый, густой и сжатый. Это язык его родной деревни, язык Заволжья, язык казаков Пашкова, которые несли надзор над ним в Даурии, язык стрельцов и, наконец, язык простого народа, который ходил к нему на исповедь. Возвышенный церковнославянский и это грубое, густое русское говорение сливаются в один стремительный и бурный поток языка протопопа.

Но как передать этот колоритный, ученый и грубый поток на французском языке? На прекрасном и риторическом языке Боссюэ? Ни в коем случае! На великолепном и нежном языке Фенелона? Еще хуже! Паскаль знает, что Мусоргский один из первых обратил внимание на Аввакума, когда он готовил либретто к опере «Хованщина». Знал, что Лесков вдохновлялся языком Аввакума, что Достоевский был способен «настраиваться на лад Аввакума». Паскаль, вернувшись во Францию, дружит с Ремизовым, тот ему рассказывает, как в 1926 г., пока сам Паскаль был в стране большевиков, он в течение трех часов читал вслух всё Житие на юбилее Шестова (60-летию). И Ремизов назначил Паскаля Великим Протопопом в своей «Обезьяньей Великой и Вольной Палате». Паскаль так определяет свою цель как переводчик: «Я хотел, чтобы современный французский читатель испытывал по отношению к моему переводу приблизительно те же чувства, что мог испытывать русский читатель XVII века по отношению к оригиналу». То есть удивлялся, как и тот читатель, поразительной смелости автора. Он давно любит и прекрасно знает язык Франциска Сальского, заимствует у него некоторые архаизмы, которые Франциск применял назло своим современникам, как Аввакум — назло Никону.

Описать, как Житие с одного языка переведено на другой, конечно, задача сверхъестественная, и я должен здесь сдаться. Скажу лишь, что Паскаль знал прекрасно всю янсенистскую литературу, и в особенности Л.-И. Леметра де Саси, да и всех остальных отцов Пор-Рояля. В предисловии к «Протопопу Аввакуму и началу раскола» он сравнивает Смутное время в России с временем религиозных войн, а потом Фронды, во Франции; сравнивает попытку поднять христианское благочестие на Западе и в России после страшного падения нравов народа и клира. «Братство Святого Причастия» во Франции и «Кружок ревнителей благочестия» в России приблизительно одинаково действуют. Задача и тут и там чрезвычайно тяжела. Св. Франсуа Режи ан-Веле и господин Олье стали жертвами того же насилия, что и Григорий Неронов, Аввакум и Даниил в своих селах в Заволжье. Отцы Пор-Рояля ходят босиком зимой при страшном холоде, простираются ниц и долго лежат на холодном полу, налагают на себя страшные покаяния. Паскаль не янсенист, когда речь идет о богословии, он не испытывает никакой симпатии ни к Янсению, ни к Кальвину или Лютеру. Но он не может не сочувствовать мученикам за веру. Сам неверующий Сент-Бёв был удивлен, когда, изучая историю Пор-Рояля, он открыл некоторые детали гибели монастыря. Людовик XIV повелел снести всё, уничтожить всё, и собаки раздирали на кладбище тела недавно похороненных монахинь... Однако последствия во Франции были менее губительны. В России Григорий Неронов и Аввакум не учредили никаких духовных школ. Не осталось никакого фундамента.

Читая все тексты Паскаля подряд, я давно думаю, что Аввакум стоит в одном ряду с его коммунистической верой. На товарищеском суде, перед Стасовой и Бухариным, в 1919 г., когда его обвиняли в мракобесии, ибо узнали, что он ежедневно ходит на мессу или на Божественную литургию, когда о нем Жак Садуль сказал: «...темный фанатик с душой инквизитора», — Паскаль ответил: «Если речь идет о хозяйстве — я марксист; если о философии — я ученик Фомы Аквинского». На него смотрели как на идиота или фанатика. Его понимание Аввакума со всей своей оригинальностью и мощью проистекает из его собственной жизни — плюс годы напряженного труда. Из России бывший «фанатик», скромный и тихий «идиот» вернулся с почти готовой работой. Вел его за руку протопоп.

Учитель он был, конечно, своеобразный. С ним мы ничего не читали из Пушкина. Читали Лескова, читали «В лесах» и «На горах» Мельникова-Печерского и, конечно, читали Житие протопопа Аввакума. В 1956 г. он дал мне старый экземпляр своей книги «Протопоп Аввакум и начало раскола». По его просьбе я зашел в старообрядческий центр на Рогожском

кладбище и передал им от имени Петра Карловича книгу, она сохраняется как святыня.

Совет по диссертациям присудил Паскалю докторскую степень *magna cum laude*, но с оговоркой: «Сравнение, которое проводит автор между расколом и янсенизмом, искажает историческую перспективу, ибо Россия XVII века ближе к Западу 1000 г., чем к эпохе Пор-Рояля». Как видно, западные коллеги-слависты признавали эрудицию, труд и пыл их блудного коллеги, но были смущены некоторой долей «идиотизма» в этом увлеченном большевизмом и старой верой тихом бунтаре.

Это был «керженский дух», и он все еще тлел в буржуазном доме в Нёйи-на-Сене, где собирались Суварин и Бердяев, Ремизов и Лазаревич — выжившие мечтатели о чистом и полном коммунизме и поклонники мученика-протопопа.